

УДК 81: 39

ББК 82.3(2РОС)[Чув.]3

В.Г. РОДИОНОВ

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ НАЗВАНИЙ ДУХОВ ПРЕДКОВ И СВЯТЫХ В ЧУВАШСКОЙ НАРОДНОЙ РЕЛИГИИ

Ключевые слова: историческая стратификация, чувашское неоязычество, сакральные места, мусульманские святые, иерархия духов, мифологические персонажи, образ Балыма.

Исторический анализ фонетики и семантики названий духов предков и святых в чувашской народной религии позволяет реконструировать их иерархию и хронологическую последовательность. Самым главным и старшим духом предков чувашей был Вылы. Образ Балыма, взятый из религиозной литературы, а также легенды об этом святом исцелителе в Волжской Булгарии сложились не позднее середины XII в. Мусульманский прорицатель и предсказатель со временем превратился в главного святого и исцелителя болгар и их потомков. Исконно болгарский вариант названия святого (Палем / Пальъм хуџа) после разрушения традиционной религии чувашей в результате массовой христианизации потерял первоначальное значение первого слова, слился с другим мифологическим персонажем (Валё, Валь турă) и прошёл следующие этапы трансформации: валё > валлем > вalem > Вalem / Валём хуџа.

В золотоордынский период в результате вынужденного распада болгарского этноса на две самостоятельные этнические группы образовались два этноса, различавшиеся наличием дихотомического этноконфессионализма: *бесермен* (болгары-мусульмане, ориентированные на старые и новые городские традиции) и *џаваџ* (язычники, бережно оберегающие земледельческо-языческие традиции предков). В результате такого расщепляющего целостность этноса регрессивного процесса в Булгарском вилайете былой конфессией *џаваџ* обрёл не только социально-конфессиональное, но и этническое содержание. В тот период первоочередной задачей этноса с установкой на традиционную культуру, язык и обрядово-мифологическую систему являлось реформирование традиционной религии, чтобы она могла успешно конкурировать с официальной религией супергосударства Улуса Джучи – исламом. Только так можно было сохранить этнос как целостный организм и избежать массовой ассимиляции. Таким образом, ради выживания и сохранения в условиях природных и социально-политических катаклизмов XIV – начала XV в. чувашский этнос всю свою энергию направил на обновление своей традиционной религии. Именно в золотоордынский период для выражения понятия «религия, вера» чувашаи начали использовать арабское слово, проникшее в тюркские языки в формах *тин* (уйг., бар.) и *дин* (кирг., к-кирг. крым., тур., тат., башк.) «вера, религия» [19. Т. II. С. 215–216]. (Если чувашское слово *тён* считать татаризмом, то анлаутный гласный звук сохранился бы в языке-посреднике или доноре. Сравните: чув. *тинёс* < тат., баш. *дингез*; чув. *тирек* < тат., баш. *тирэк* «тополь», чув. *тирёс* < тат., баш. *тирес* «навоз» и т.д. В чувашском языке мусульманский термин *тён* возник ещё до образования Казанского ханства.) В результате былой огуро-булгарский термин со значением «вера, религия» (*йăла*) отошёл на второй план и стал означать понятия «обычай, обряд», «привычка». По наличию сходств чувашского *йăла* с некоторыми языками кыпчакской группы можно допустить, что оно проникло к чувашам из татарского языка. Но тунгузо-маньчжурские, монгольские и якутская формы (все они начинаются со звуков *к, к, х*) позволяют утверждать, что анлаутный гласный «й» в слове образовался по законам огуро-булгаро-

чувашского языка. Сравните: чув. *йăвă* < др.-тюрк. *göjür*, чув. *йăхăр* < др.-тюрк. *gürür* «кричать, звать», чув. *юл-* < др.-тюрк. *kal-* «оставаться», чув. *юн* < общетюрк. *kan* «кровь» и т.д. [19. Т. II. С. 483, 486] Данное слово в некоторые тюркские языки, в первую очередь огуро-булгарский, проникло через китайский язык: кит. *гуйле* «норма, правило, образец», «установление, порядок» [19. Т. I. С. 180]. Термин *йăла* в языке булгар обозначал веру и религию, следует полагать, вплоть до начала золотоордынского периода. В тот период другие тюркские народы создавали свои героические эпосы, но исторические обстоятельства заставляли чувашскому этносу реформировать устарелое язычество, творить новую мифологию, соответствующую действительности того времени. Благодаря успешному синтезу старой традиционной веры с народным исламом чувашский этнос смог успешно конкурировать с соседними народами региона, передать им основные термины и сюжеты своей обновлённой религии. Фонетический облик многих «булгаризмов» в удмуртском и марийском языках подсказывает, что они заимствованы в XIV–XV вв. от булгаризированных аров (арских чувашей) Заказанья и чувашей «Чувашской дороги». В основу чувашского неоязычества составили, в первую очередь, резкое противопоставление Доброго (*Турă*) и Злого (*Шуйттан*) начал; во-вторых, произошло усложнение культа сакральных мест (комплекс с Водным источником, Горой, Рощей и Дубом [17. С. 51, 62]) и могил национальных героев, мусульманских святых. В-третьих, в обновлённой религии булгаро-чувашей произошла замена мифологического времени их реальной социальной и конфессиональной жизнью золотоордынского периода. В данные годы булгарский этнос распался, как уже было отмечено, на две социально-конфессиональные группы (субэтносы), которые условно можно назвать булгаро-татарским (бесермены) и булгаро-чувашским («худые болгары»). До середины XV в. они полностью отделились и образовали самостоятельные этносы со сложившимся новым этническим сознанием.

Мифотворчество и религию булгаро-чувашей в аспекте их реальной социальной и конфессиональной жизни периода Золотой Орды основательно изучил глубокий знаток чувашской истории Н.И. Ашмарин, главным образом в статье «Отголоски золотоордынской старины в народных верованиях чувашей» [2. С. 175–216]. «<...> среди названий чувашских божеств встречаются такие, – писал классический филолог-универсал, – которые как будто являются отражением былого общественно-административного строя, порядка которого и соответствующая иерархия были перенесены чувашом в область его религиозных верований – в мир тех таинственных существ, которым он молился и приносил свои жертвы» [2. С. 178].

Иерархию верховных богов и божеств в чувашской религии изучали и мы в ряде недавно опубликованных работ [13. С. 36–51; 14]. В данной статье нами ставится очередная задача: изучить иерархию духов предков и святых в системе чувашского неоязычества XIV–XV вв., проследить историческую динамику развития некоторых из них во втором тысячелетии нашей эры. Называя эти мифологические существа духами, мы имеем в виду прежде всего тех духов, которые связаны с человеком, с его перевоплощением после смерти: духи рода, предков, местности и этнотерритории, религиозных святых. Многие из них можно назвать и божествами низшего разряда. Образы ряда духов образованы в результате трансформации культа религиозных святых [11. С. 662–663].

Духи, живущие вблизи чувашских деревень в лесах и «наносящие им разные болезни и несчастья» (К. Милькович), по-чувашски называются *кере-мет* и *ырăсем*. Чуваш. *киремет* / *керемет* означает «священное место».

Тюркские соответствия: каз. *кирәмәт* «целительное средство», «всё, что приносит счастье», «особый дух, гений»; кирг. *керемет*, узб. *керамәт*, каз. *керемет* «чудо, нечто поразительное»; турк. *керамат* «чудо, сотворённое святым»; тур. *керамет* «благородство, великодушие, милость, заслуга, уважение, почёт», «чудо, совершаемое святым» [19. Т. II. С. 297]. Из лексических параллелей в языках соседних финно-угорских народов можно определить первоначальную форму чувашского слова: *керемет*, которое в языки соседей проникло не позднее XV в. Слово *ырă* «добрый, хороший, превосходный, отличный», «здоровый», «милый», «почтенный», «святой» является исконно тюркским, в «Древнетюркском словаре» оно зафиксировано как *arī-* «очищаться»; *arīr* «чистый, незагрязнённый» [4. С. 51–52].

Самым ранним и наиболее полным описанием *киремет* и *ырăсем* является очерк Буинского уездного землемера К. Мильковича (1783). Он впервые был опубликован в 1927 г. в журнале «Северный архив», а затем с комментариями переиздан В.К. Магницким и Н.В. Никольским. В связи с тем, что в них допущено довольно много ошибок и имеются разночтения, мы будем пользоваться электронной версией сочинения Т.Г. Масленицкого «Топографическое описание Симбирского наместничества» (1780), в котором содержится и очерк К. Мильковича [9]. По определению наблюдательного автора, эти духи (их он назвал злыми) разделяются на главные (*Аслă ырăсем*), средние (*Вăта сёрти ырăсем*) и малые (*Кёсён ырăсем*) К. Милькович зафиксировал следующую иерархию чувашских *ырăсем*: I. АСЛĂ ЫРĂСЕМ «ГЛАВНЫЕ». 1. *Вăлăри ырăсем* «Покоящиеся в Вăлă». 2.1. *Сёрти кэпе* "Судьба земная", старший сын Вăлă. 2.2. *Кутăрлă султан(?)*, средний сын Вăлă. 2.3. *Сёве сунчи ырăсем* "Покоящийся ырă в Привыжье", второй средний сын Вăлă. 2.4. *Чăнлă сунчи ырăсем* "Покоящийся ырă на Цильне", младший сын Вăлă. 2.5. *Чёмен*, чувашский великий воин и юмзя, покоящийся на своей родине в поле». II. ВĂТА СЁРТИ ЫРĂСЕМ «СРЕДНИЕ». 1. *Султан ырăсем (?)*. 2. *Малём хуца*. 3. *Мăнтўпе ырсем (?)*. 4. *Аскул вар ырсем*. III. КЁСЁН ЫРСЕМ. 1. *Кёсён ырсем*. 2. *Вăталăх ырсем*. 3. *Мăнтўпе ырсем*. 4. *Атăл сунчи ырсем* «Покоящийся на берегах Волги ырă». «Кроме оных главных, — пишет К. Милькович, — каждая чувашская деревня имеет особенных своих кереметей до 5 и до 6, кои имена себе по большей части получают по названиям речек и деревень. И всякий чувашенин верит в 12 киреметей своей и соседних деревень» [9. С. 116].

Из главных духов самым почитаемым, отцом всех киреметей является, по утверждению К. Мильковича, «Вильри Ирзам», что соответствует чувашскому *Вăлăри / Вулăри ырăсем* [2. С. 207, 214], и этот самый старший дух «пребывание имеет Цивильской округи близ деревни Выли, в лесу и при озере, от них ему посвящённых. Где для принесения оных три здания и всех требищ надделано противу обыкновенных в большом количестве. Вокруг же она оставлена множеством с пчёлами ульев, из коих жрец, вынимая мёд и сделав напиток, приносит сему Киреметю». Словосочетание *Вăлра ырткан Ырă амăшĕ* Н.И. Ашмарин перевёл как «Мать Святого, почивающего в р. Выле» и дал следующее пояснение: «Так перевожу я лишь предположительно: р. Выла называется у чуваш *Вылă* (сокращённо — *Выл*), а не *Вăлă*», подразумевая реку, впадающую в Суру. Но в тексте К. Мильковича *Вильры Ирзам* «пребывание имеет Цивильской округи близ деревни Выли, в лесу и при озере, от них ему посвящённых» [9. С. 118]. В «Словаре чувашского языка» Н.И. Ашмарина встречаются варианты: *Вăлăра ыртса каян ырăсем* (д. Кошки-Новотимбаево бывшего Буинского уезда Симбирской губ.), *Вăлăри ырă* (с. Ст. Чекурское бывшего Буинского уезда), *Вăлăр* (< *Вăлăри*) (д. Кубня быв-

шего Первомайского района Чувашской АССР); *Вулăра ыртакан ырăсене путек* (с. Альшеево бывшего Буинского уезда) [1. Вып. V. С. 263, 300]. В словах полевого моления, записанных поэтом К. Ивановым-Кашкыром в д. Кайраклы Белебеевского уезда Уфимской губ., встречается словосочетание *Вулăра ыртакана така* «Почивающему в Вуле – барана» (перевод Н.Ф. Данилова) [6. С. 262].

Итак, место обитания *Вăлăри (Вăлăра ыртакан) ырăсем* – лес и озеро при д. *Вăлă* Цивильской округи (уезда). Г. Рамстедт считал, что чув. *вăлă* «дух погибшего на войне героя» < *uluḥ* «большой, великий» (сравните тат. *олы* «старший, взрослый, возмужалый», «солидный, почтенный», «большой») [19. Т. I. С. 106]. Такие духи, как известно, превращались в *ырă*, поэтому здесь подразумевается словосочетание *вăлă ырă* «большой (великий) *ырă*». Название деревни *Вăлă* несомненно произошло от названия сакрального места-святилища, а не наоборот. До возникновения данного поселения прилагательное *вăлă* в чувашском языке успело превратиться в существительное, обозначающее название сакральной местности. В таком его новом значении (как место обитания *ырă*) образовались варианты *Вăлăри ырăсем*, *Вăлăра ыртакан ырăсем*, *Вăлă ҫинчи ырăсем* «Духи (> Дух)», покоящиеся (обитающие) в местности *Вăлă*. Этот дух был самым главным у всех чувашей и приравнялся с *Пальăм ырă* (о нём читайте далее).

В настоящее время населённого пункта с названием *Вăлă* не существует. Следует полагать, что эта деревня при лесу и озере соответствует нынешней д. Алдиарово Янтиковского района Чувашской Республики, или же она в XVIII в. была отдельным поселением, но потом вошла в состав одного из близлежащих к сакральному комплексу (Озеро, Гора, Роща, Дуб) населённых пунктов. Как известно, *Эл кўлли* (святой источник) и лес на возвышенном месте (горе) являются идеальными составляющими чувашского святилища *Ырă*. По мнению А.А. Трофимова, такой сложный комплекс, включающий в себя Родник, саму Гору и священную рощу с дубом, а также «Девичий городок» в уникальном виде сохранился вблизи Билярска под названием *Валем хуҫа* [17. С. 51]. Попутно следует заметить, что этот дух под названием *Малём хуҫа* имеется среди духов среднего разряда из очерка К. Мильковича (на нём подробно остановимся несколько позже). Гипотетически последний дух должен был быть в составе главных, но здесь, думается, обнаруживается естественный исторический анахронизм: в иерархии главных духов отражена история обратной миграции средненизовых чувашей в бассейны рек Свияги и Цильны (духи *Сёве ҫинчи ырăсем* и *Чăлнă ҫинчи ырăсем* являются сыновьями *Вăлăри ырăсем*). Следовательно, в данной иерархии отражены события не ранее конца XVI в. (именно тогда воздвигнута Кубнинская засечная черта и начата обратная миграция чувашей в свои былые места обитания). История более раннего периода частично стёрлась из живой памяти народа и отодвинулась на второй план: былые главные духи стали средними или даже малыми. Например, *Атăл ҫинчи ырăсем* «Духи, покоящиеся на [берегах] Волги» (именно так следует перевести словосочетания, связанные с названиями водоёмов и рек. Есть ещё *Шупашкарти ырăсем* «Духи, покоящиеся в Чебоксарах»; *Хусанти ырăсем* «Духи, покоящиеся в Казани»), *Валём хуҫа* (по-другому называется *Пӗлтерти таса ҫăл* «Билярский чистый родник») и *Аскул* (Н.В. Никольский читал как *Ашул вар ырăсем* «Духи, покоящиеся в Аскул / Ашул вар») когда-то входили, следует полагать, в состав главных духов. Необходимо особо отметить последний объект почитания духов предков. В труде Т.Н. Масленицкого есть упоминание деревни Аскул Самарского уезда, а

рядом с ней находится гора. Слово *вар* означает «обдернелый овраг с пологими краями», «лог», «дол». Ср.: др.тюрк. *öz* «долина, проход между горами» [19. Т. I. С. 100]. Следует полагать, что вблизи этого Аскула был древнебулгарский сакральный комплекс типа *Валём хуҫа* и *Вәләри ыраҫем*. Г.Ф. Юмарт в нашей частной беседе высказал мнение, что название вышеупомянутой деревни может быть образовано от эндоэтнонима булгарской племенности эскел. Очевидно, там когда-то действительно существовал топоним *Аскул / Ашул вар*, потом он перешёл в название нового населённого пункта. Если это так, то глубина исторической памяти, отражённая в названиях чувашских низших духов *ыра*, охватывает, следует полагать, даже период племенной жизни булгар (IX–X вв.). Если учесть вариант *Ашул*, то это слово следует связать с названием булгарского города *Ошель* в русских источниках. Вполне допустимо, что *Ашул вар* – это место расположения вышеназванного булгарского города, ставшее для булгаро-чувашей сакральным.

Итак, обозначенные в очерке К. Мильковича ряд духов, как средние и малые, примерно до начала XV в. (до образования дикого поля) числились, следует полагать, в составе главных *ыра*. Рядом с ними непременно фигурировало и имя билярского святого, но, скорее всего, в несколько ином звучании, о чём далее будем говорить более подробно.

По замечанию чувашского этнографа и писателя середины XIX в. Спиридона Михайлова (Яндуша, 1821–1860), в «Журнале Министерства внутренних дел» за декабрь месяц 1840 г., при описании памятников древностей в Казанской губернии, на с. 200 выказана одна старинная грамота, данная городу Билярску, в которой сказано так: «В прошлом 1677 году били челом великому царю мурзы и ясашные татары всего Казанского уезду: в прошлых де годах, до Казанского взятия, изстари построен басурманский город Булымерский, за Камою рекою, а в нём был царь *Балын-гозя*, и он де умер; да в то же время был царь татарский Сафаралей, и того же Булымерского царя похоронил и построил над ним палату каменную» [10. С. 28, 29, 366]. Там же автор приводит интересное сравнение: «В Козмодемьянском же уезде в одном лесу на горе существовала у чуваш киреметь, называемая *Валим-хозя*, – вероятно, испорченное болгарское или татарское *Балын-хозя*, имя Булымерского царя, означенного в вышеприведённой грамоте».

В 1877 г. данную челобитную включил в свою книгу С.М. Шпилевский [20. С. 61], который там же публиковал предания о могилах святых на горе Балынгуз. Оказывается, еще в XVIII в. академик Рычков узнал через муллу из д. Чертож, что на вершине горы погребены два святые, один из которых был Меулим-Хозя, а другой – Шебелим-Хозя. Оба они отличились способностью творить разные чудеса и пророчества [20. С. 63]. Тогда же этот мулла указал на даты установки на двух могилах памятников, которые соответствуют 1173 и 1434 гг. по р.х. [20. С. 355]. Если вспомнить, что традиция установления каменных памятников с написанными буквами арабской графики сложилась лишь в золотоордынский период, то надёжной датой следует считать лишь вторую. Как утверждает Г. Тагиржанов, один святой, шейх с пригорода г. Биляра, в конце своей жизни уехал в Турцию и реформировал там один из исламских орденов. И этот *Балем Хужа* умер в миграции в 1516 г. [16. С. 48]. Отсюда следует, что святой человек с вариантами народного названия *Меулим-Хозя* (у Шереф-эддин-Булгари – *Маалум-Ходжи*), *Балын-Гозя* (царь города Булымер), *Балем Хужа* (шейх, святой) и *Балынгуз* (русский вариант названия горы) проживал в окрестностях Билярска в период Казанского ханства. Его настоящее (официальное) имя, по сообщению татарского автора середины

XVI в., было Ходжа Асгар, а по данным Френа – Абдуллах или Ургандши (Готвальт: = Хива) [20. С. 63–64].

Следует объяснить наличие нескольких вариантов этого мусульманского святого (царя). Р.Г. Фахрутдинов считает, что «Балын-гузя» – это русская форма «Маалум-хузи» [18. С. 188], с чем нелегко согласиться. Дело в том, что, во-первых, и в татарских вариантах имя данного человека зафиксировано с начальной буквой «Б»; во-вторых, это не контаминация звуков, как объясняет археолог, а особенности татарского (кыпчакского) и булгаро-чувашского языков. Общеизвестно, что огузская группа тюркских языков отличается от кыпчакской и тем, что слово «я» огузы и огуры ещё в древности произносили *bä(n)*, а остальные тюрки – *män* [19. Т. II. С. 479]. Такое различие имеется и в современных тюркских языках Поволжья: тат., баш. *мин*, но чув. *эпё* (< *пе) «я»; тат., баш. *мең*, но чув. *пин* «тысяча»; тат., баш. *миләш*, но чув. *пилеш* «рябина»; тат. *мөчә*, но чув. *пăçа*, *пăсук* «кошка»; тат. *мичеү*, но чув. *пичев* «пристяжка, припряжка» и т.д. В татарском языке даже в русских заимствованиях вместо начального звука «п» появляется «м»: *печь* > *мич*, *бочка* > *мичке*, а в чувашском анлаутные звуки «п» и «б» сохраняются: *павар* < *поварня*, *писмен* < *безмен*, *пичке* < *бочка*. (В чувашском языке существуют так называемые полувзвонкие согласные, которые иноязычными слушателями воспринимаются как звонкие) [15. С. 24–55]. Отсюда можно утверждать, что вариант с анлаутным согласным «м» относится к татарскому произношению, а вариант с начальными «б» и «п» – к булгаро-чувашскому. Следовательно, вопреки мнению Р.Г. Фахрутдинова, *Маалум-хузи* более позднее образование, чем *Балын-гозя*. Очевидно, последний в форме *Балым ата* «отец *Балым*» был известен булгарам со второй половины XIII в. Балымат (<Балым ата) упоминается в 1278 г. в «Степенной книге», где говорится о том, что хан Менгу Тимур выдал замуж свою дочь за князя Федора Ростиславича и подарил зятю 36 городов, в том числе Булгар, Арча (Арск), Балымат и др. Здесь Балымат заменяет г. Бюлар дозолотоордынского периода [3. С. 69].

Обобщая вышесказанное, следует заключить, что наиболее ранней формой двухсоставного названия святого (царя) на биярском святилище (гора с рощей и родником) является *Балым ата* и оно образовано по фонетическим законам булгаро-чувашского языка. (Кроме начального «б» вместо «м» здесь обнаруживается и другая закономерность чувашского языка: замена ауслаутного звука «н» согласным «м», например: тат. *озын*, но чув. *вăрăм* «длинный, долгий, высокий»; тат. *төтен*, но чув. *тётём* «дым», тат. *карын*, но чув. *хырăм* «желудок», «живот, брюхо», «пузо» и т. д.)

В чувашском языке имеются две группы вариантов названий: 1. *Малём* (*Мальăм*, *Мелём*, *Маюм*, *Малем*) *хуҫа* «дух, обитающий в амбаре или лачуге», «овраг, родник», «разъезжающий на золотой колеснице барин», «татарин», «купец» [1. Т. VIII. С. 184, 185, 222; 8. С. 64–81]. 2. *Валём* (*Вальăм*, *Валем*, *Валим*) *хуҫа* «младший брат *Аслă ырă*, *кёлё*», «оберегающий скот от волков», «*Пӱлерти таса ҫăл*» («Святой родник из Бюлер»), «родник, овраг», «купец, богач» [1. Т. V. С. 161, 165; 1. Т. X. С. 79; 8. С. 75–76]. Варианты первой группы восходят, скорее всего, к официальному (кыпчакскому) произношению названия мусульманского святого, они образованы в результате влияния мулл и других знатоков официальной исламской литературы. Исконно булгарский вариант (*Палем* / *Пальăм* *хуҫа* сохранился в названии одного оврага как *Пальăмча* < *Пальăм хуҫа* [1. Т. VIII. С. 184], из которого в результате слияния с *валем* получилось *Валем хуҫа*) после разрушения религиозной системы чувашского народа в результате массовой христианизации потерял былое значе-

ние первого слова и слился с другим мифологическим персонажем – *Валё*, *Валь турă*. Их происхождение Н.И. Ашмарин объясняет так: «*Валле*, назв[ание] божества, которое, по-видимому, получилось из *валё* “доля” (др.-тюрк. *ülüg* «часть, доля». – В.Р.) [4. С. 624–625], откуда дат[ельный] падеж *валле*; впоследствии последняя форма была принята, по недоразумению, за именительный падеж, и от неё образовали новый дат[ельный] *валлене*» [1. Т. V. С. 163]. Трансформация *валё* > *валле* > *валлене* произошла совсем не по недоразумению, а в условиях усиленного разрушения системы чувашского неоязычества и сближения данной основы с теряющим свое былое содержание словом *Палем* / *Пальăм*. Слияние завершилось в результате обретения (под воздействием потерявшего своего первоначального значения *Палем* / *Пальăм*) *валё* форму *валлем* > *валем* (по модели *çĕк-ле*- «поднимать», «носить», «братъ» + *м* > *çĕклем* «охабка, беремья»). Таким образом, когда М.Р.Федотов допускал, что «*Валем хуҫа* / *Валём хуҫа* связан с *валем* / *вальам* / *валём* / *вальăм* “доля”», он был совершенно прав, но учёный не объяснил основную причину такой трансформации [19. Т. I. С. 99].

Итак, вторая группа вариантов названий бильярского святого возникла относительно недавно (после массового крещения чувашей в XVIII в.) в результате слияния с другим, более понятным однозвучным мифологическим персонажем. В тот период изменили свои изначальные значения такие религиозные термины, как *йёрĕх*, *киремет*, *мамале*, *мăчавăр*, *кэпе* и др. [19. С. 199, 297, 341, 352; 13. С. 39]. А варианты первой группы имени бильярского святого проникли к чувашам намного раньше, в первую очередь в районах совместного проживания чувашей с татарами-мусульманами (часть средненизовых чувашей, например, козловского куста, могли узнать о них в период проживания их предков на территории Заказанья).

Вернёмся к названию святого *Балым ата*. Означающий г. Бюлар Балымат одновременно имел второе название – Булымер / Балымер. По мнению С.М. Шпилевского, эти названия тесно связаны между собой [20. С. 164, 307]. Соглашаясь с ним, Н.И. Золотницкий отмечает, что *Булымер*, имеющий «близкое отношение к названию местности *Балым-ат*, означает “место или город *Балын’а*” и находится в тесной связи с именами *Балын-гозя* (царя или князя Булымерского), *Ма’люм-Ходжа* (мухаммеданского шейха), *Мелим-хузя* (бывшего предметом поклонения чувашей и с названиями нескольких селений и киреметей» [5. С. 57]. Очевидно, из двух вариантов наиболее близкое к оригиналу название бывшего Бюлара имеет форму *Балымер*, ибо имя *Балым* встречается ещё в трёх названиях: *Балым* + *ат*, *Пальăм хуҫа* (чув.) и *Балем Хужа* (тат.). Наличие двух вариантов названия бывшей столицы Волжской Булгарии указывает, скорее всего, на имевшиеся в золотоордынский период две конфессиональные традиции. Булгары-мусульмане святого называли, по всей видимости, *Балым* (*Палăм*) + *ата* «отец», а язычники-двоеверцы – *Балым* (*Палăм*) + *ырă* «святой» > *Балымер* «святой *Балым*».

Дорогу к разгадке имени Балыма указал А.А. Трофимов [17. С. 57], сравнив данный образ с сыном Бауры Балама, история которого (без упоминания имени) приводится в Коране. Она заключается в том, что сердце этого учёного человека, обладавшего большими знаниями и одарённого Аллахом талантом предвидения, склонилось к мирскому: он принял подарки от врагов Мусы. За такой недостойный поступок Балам лишился всех благ, которыми был наделён Всевышним. Иногда он отождествлялся с праведным мудрецом Лукманом, который у среднеазиатских мусульман был великим лекарем, патронном врачевателей [11. С. 84, 325]. Здесь весьма уместно вспомнить, что на-

стоящим именем Малум-Ходжи было Урганджи (Хива), следовательно, он прибыл в Поволжье со Средней Азии. В одной газетной статье 1861 г. сообщается, что билярский святой имеет удивительную силу исцеления от всяких болезней, поэтому к нему ходят представители всех конфессий и народов, зачастую количество поклонников доходит до 10 тысяч человек, из них не менее четвёртая часть – чуваш и мордва [12. С. 413–414].

Итак, есть все основания считать, что билярский святой *Балым* и мусульманский прорицатель и предсказатель, а также исцелитель *Балам* (< ивр. *Бил'ам*) – один и тот же персонаж, возникший в результате слияния ислама с местными воззрениями. Образ данного учёного и исцелителя запечатлён в «Путешествиях Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153)». «А смысл слова *булгар* – учёный человек, – сообщает автор о далёких от мусульманского мира волжских булгарах. – Дело в том, что один человек из мусульманских купцов приехал к ним из Бухары, а был он *факихом*, хорошо знавшим медицину. И заболела жена царя, и заболел царь тяжёлой болезнью. И лечили их лекарствами, которые у них приняты. И усилился их недуг, так что стали они оба опасаться смерти. И сказал им этот мусульманин: “Если я стану лечить вас и вы поправитесь, то примете мою веру?” Оба они сказали: “Да”. Он их лечил, и они поправились, и приняли ислам, и принял ислам народ их страны» [7. С. 781]. Далее пишется о чудесной победе булгар над хазарами, которая совершилась благодаря войску Аллаха. В другом варианте данной легенды (1551 г.) в роли исцелителя выступают три сподвижника пророка, которые «чудесным образом исцелили больную дочь хана, что побудило булгар сделаться мусульманами» [20. С. 25–26]. С.М. Шпилевский приводит и иные варианты чудесного исцеления хана или его дочери с помощью чужестранца.

Вышеприведённые примеры показывают, что образ Балыма и легенды об этом святом исцелителе возникли в Волжской Булгарии не позднее середины XII в. Как сообщает ал-Гарнати, многие сведения о булгарах он прочитал в «Истории Булгара», переписанной кадием Йа'куб ибн Нуманом [7. С. 781, 794]. Следовательно, образ и легенды о Балыме сложились у булгар значительно раньше до написания вышеназванной книги, скорее всего, в XI в. под воздействием мусульманских сюжетов о Баламе и местных представлений о духах местности (хозяев гор и водных источников), а также о покровительстве духов предков. По предположению А.А. Трофимова, у суваро-булгар ещё до принятия мусульманства был мифологический персонаж *Валем*, образованный от *Вaal*, древневосточного божества почв и плодородия [17. С. 56]. Но наш филологический материал, к сожалению, не подтверждает данную гипотезу. Очевидно, в дальнейшем сравнения должны вестись в двух направлениях: болгарско-пермском и северокавказском. В связи с этим следует переосмыслить этимологию названия г. Беленджер, жители которого (сувары и барсилы, т.е. беленджерцы) в связи с экспансией арабов не позднее второй половины VIII в. оказались на Средней Волге. Беленджер (Баранджар, Баланджар) как крупный город болгарских племён и хазар известен в арабских источниках с 630-х гг. н.э. Возникновение его названия обычно объясняют иранскими лексемами *боләнд* «высокий, длинный» и *джер* «расселина». Булгароязычные беленджерцы могли переосмыслить этот топоним и назвать свою страну *Беленд* «Великая» + *джер* «земля». Вполне возможно, что на основе данного названия образовался и культ суваро-барсилского царя (йылтывара) *Белен* «высокий, великий» + *ары* «святой». Косвенным свидетельством такого семантического переосмысления является следующий

факт: в письме хазарского кагана Иосифа (X в.) упоминается его дальний предок, способствовавший переходу хазар к иудаизму. Имя данного хазарского царя – Булан [7. С. 662, 666]. Думается, оно вполне может быть хазарским вариантом суваро-барсилского *Белен* и болгарского *Балам*.

Итак, в результате исторической стратификации названий и реконструкции иерархии духов предков и святых в системе чувашской народной религии, мы пришли к следующим выводам и положениям:

1. По мере стирания из памяти народа ряда исторических фактов духи, отражающие их, из числа главных перемещались в состав средних и малых. Такое естественное нисхождение наблюдается и в очерке К. Мильковича. Так, в состав главных духов, кроме *Чемен ырă*, до начала XV в. входили *Атăл çинчи ырăсем* «Духи, покоящиеся на [берегах] Волги» и *Аскул / Ашул вар ырăсем* «Духи, покоящиеся в Аскул / Ашул вар», а также болгаро-чувашский вариант билярского святого – *Пальăм ырă* «Дух Пальăм». В очерке К. Мильковича все они находятся в группе средних и малых духов. В составе средних могли быть духи, олицетворяющие социальные верхи Улуса Джучи или Казанского ханства (*Кутăрлă султан*, *Султан ырăсем*. Первый можно понимать как «почитаемый / уважаемый султан». Ср. тат. *кадерле* «уважаемый, почитаемый, почётный» + *султан* «царевич», а *Султан ырăсем* – «Духи султанов») и конкретные названия местностей (например, *Мăн тўпе ырăсем* «Духи, покоящиеся на Великом холме»). Малые *ырă* составляли все местные сакральные места-киремечи.

2. Наиболее ранними формами двухсоставного названия святого (царя) на билярском святилище (гора с рощей и родником) являются *Балымат* и *Балымер*, которые образованы по фонетическим законам болгаро-чувашского языка. В золотоордынский период болгары-мусульмане святого называли *Балым (Палăм) + ата* > *Балымат* «отец Балым», а язычники-двоеверцы – *Балым (Палăм) + ыр(ă)* > *Балымер* «святой Балым». В казанский период билярского святого (царя) называли *Маалум-хузи* и *Балын-гозя / Палём хуға*. Вариант с начальным согласным «м» относится к кыпчакско-татарскому произношению, а вариант «б» и «п» в анлауте – к болгаро-чувашскому. В чувашском языке сохранились оба варианта.

3. Исконно болгарский вариант (*Палем / Пальăм хуға*) после разрушения религиозной системы чувашского народа в результате массовой христианизации потерял первоначальное значение первого слова и слился с другим мифологическим персонажем (*Валё, Валь турă*) и прошёл следующие этапы трансформации: *валё* > *валлем* > *валем* > *Валем / Валём хуға*.

4. Образ Балыма, взятый из религиозной литературы, а также легенды об этом святом исцелителе в Волжской Булгарии сложились не позднее середины XII в. Мусульманский прорицатель и предсказатель со временем превратился в главного святого и исцелителя болгар и их потомков.

Литература

1. Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Чăваш сăмахёсен кёнеки. Казань; Чебоксары: Чувашгосиздат, 1928–1950. Вып. I–XVII.
2. Ашмарин Н.И. Чувашская народная словесность: Исследования. Автобиография, воспоминания. Письма / сост. и примеч. В.Г. Родионова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. 430 с.
3. Гарипова Ф. Топонимические названия Среднего Поволжья, восходящие к болгарскому периоду (I) // Советская тюркология. 1989. № 3. С. 68–78.
4. Древнетюркский словарь. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1969. 676 с.
5. Золотницкий Н.И. Избранные труды / сост., примеч., послесл. В.Г. Родионова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. 526 с.
6. Иванов К.В. Собрание сочинений. Ырнисен пуххи. Иккёмёш, хушса тўрлетнё кăларăм. Чебоксары: Чуваш кн. изд-во, 1990. 447 с.

7. История татар с древнейших времён: в 7 т. Т. II. Волжская Булгария и Великая Степь. Казань: РухИЛ, 2006. 959 с.
8. Магницкий В.К. Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань, 1881. 242 с.
9. Масленицкий Т.Г. Топографическое описание Симбирского наместничества. URL: http://ulrgo.ru/region/elibrary/books/Maslenitskiy_T.G._Topograficheskoe_opisanie_Simbirskogo_namestnichestva._1780_g.pdf (дата обращения: 23. 08. 2017 г.).
10. Михайлов С.М. Труды по этнографии и истории русского, чувашского и марийского народов. Чебоксары: ЧНИИ, 1972. 424 с.
11. Мифологический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1991. 736 с.
12. Н Б. Пригород Билярск // Казанские губернские ведомости. 1861. № 43.
13. Родионов В.Г. Чувашский этнос. Исследования по этнологии и мифопоэтике / ЧГИГН. Чебоксары, 2017. 324 с.
14. Родионов В.Г. Этимология и трансформация семантики названия образа змея-покровителя в чувашской мифологии // Вестник Чувашского университета. 2016. № 4. С. 238–244.
15. Современный чувашский литературный язык. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990. Т. 1. 239 с.
16. Таһиржанов Габдрахман. Тарихтан – әдәбиятка. Казан: Татарстан китап нәш-ты, 1979. 167 б.
17. Трофимов А.А. Зороастризм: суваро-болгарская и чувашская народная культура / ЧГИГН. Чебоксары, 2009. 256 с.
18. Фахрутдинов Р. Мелодия камней. Казань: Тат. кн. изд-во, 1986. 224 с.
19. Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2 т. / ЧГИГН. Чебоксары, 1996. Т. I. 470 с.; Т. II. 509 с. .
20. Шпилевский С.М. Древние города и другие болгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань: Тип. Казан. ун-та, 1877. 585 с.

РОДИОНОВ ВИТАЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры чувашской филологии и культуры, Чувашский государственный университет, Россия, Чебоксары (vitrod1@yandex.ru).

V. RODIONOV

CHRONOLOGICAL STRATIFICATION OF ANCESTORS' AND SAINTS' SPIRITS NAMES IN THE CHUVASH FOLK RELIGION

Key words: *historical stratification, Chuvash Neopaganism, sacral places, Muslim Saints, hierarchy of spirits, mythological characters, Balym's image.*

Phonetic and semantic historical analysis of ancestors' and saints' spirits names in Chuvash folk religion allows to reconstruct their hierarchy and chronological sequence. The most important and senior spirit of the Chuvash ancestors was Vyla. Balym's image taken from religious literature as well as legends about this Saint healer in the Volga Bulgaria formed no later than in the middle of the 12th century. The Muslim diviner and prophet eventually turned into the chief saint and healer of the Bulgars and their descendants. The original Bulgarian version of the name of the Saint (Palem / Palam Khusa) after destruction of Chuvash religious system as a result of mass Christianization lost the original meaning of the first word, merged with another mythological character (Val, Val tura) and passed the following stages of transformation: vale > vallem > Valem / Valem khusa.

References

1. Ashmarin N.I. *Slovar' chuvashskogo yazyka. Chuvash samakhesen keneki* [Chuvash language dictionary]. Kazan, Cheboksary, Chuvashgosizdat Publ., 1928–1950, iss. I – XVII.
2. Ashmarin N.I. *Chuvashskaya narodnaya slovesnost': Issledovaniya. Avtobiografiya, vospominaniya. Pis'ma* [Chuvash folk literature: Studies. Autobiography, memories. Letters]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2003, 430 p.
3. Garipova F. *Toponimicheskie nazvaniya Srednego Povolzh'ya, voskhodyashchie k bulgarskomu periodu* (I) [Middle Volga region toponymic names dating back to the Bulgarian period (I)]. *Sovetskaya tyurkologiya* [Soviet Turkology], 1989, no. 3, pp. 68–78.
4. *Drevnetyurkskii slovar'* [Ancient Turkic dictionary]. Leningrad, Nauka, 1969, 676 p.
5. Zolotnitskii N.I. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Cheboksary, Chuvash State University Publ., 2007, 526 p.

6. Ivanov K.V. *Sobranie sochinenii. Symisen pukhkhi. Ikkemesh, khushsa tyrlatne kalaram* [Collected works]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1990, 447 p.
7. *Istoriya tatar s drevneishikh vremen: v 7 t.* [History of the Tatars from Ancient Times: in seven volumes]. Vol. II. *Volzhskaya Bulgariya i Velikaya Step'* [Volga Bulgaria and the Great Steppe]. Kazan, Rukhl Publ., 2006, 959 p.
8. Magnitskii V.K. *Materialy k obyasneniyu staroi chuvashskoi very* [Materials to explain the old Chuvash faith]. Kazan, 1881, 242 p.
9. Maslennitskii T.G. *Topograficheskoe opisanie Simbirskogo namestnichestva* [Topographical description of the Simbirsk governorship]. Available at: http://ulrgo.ru/region/elibrary/books/Maslennitskiy_T.G._Topograficheskoe_opisanie_Simbirskogo_namestnichestva._1780_g.pdf.
10. Mikhailov S.M. *Trudy po etnografii i istorii russkogo, chuvashskogo i mariiskogo narodov* [Works on ethnography and history of Russian, Chuvash and Mari peoples]. Cheboksary, Institute of Human Sciences Publ., 1972, 424 p.
11. *Mifologicheskii slovar'* [Mythological dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1991, 736 p.
12. N.B. *Prigorod Bilyarsk* [Suburb Bilyarsk]. *Kazanskije gubernskie vedomosti* [Kazan Province Gazette], 1861, no. 43.
13. Rodionov V.G. *Chuvashskii etnos. Issledovaniya po etnologii i mifopoeitike* [The Chuvash ethnos. Studies in ethnology and mythology]. Cheboksary, Institute of Human Sciences Publ., 2017, 324 p.
14. Rodionov V.G. *Etimologiya i transformatsiya semantiki nazvaniya obraza zmeya-pokrovitel'ya v chuvashskoi mifologii* [Etymology and semantic transformation of the name of the serpent-patron's image in the chuvash mythology]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of Chuvash University], 2016, no. 4, pp. 238–244.
15. *Sovremennyi chuvashskii literaturnyi yazyk* [Modern Chuvash literary language]. Cheboksary, Chuvash Publishing House, 1990, vol. 1, 239 p.
16. Tahirzhanov Gabdrakhman. *Tarikhtan – edebiyatka* [From the History to the Literature]. Kazan, Tatar Publishing House, 1979, 167 p.
17. Trofimov A.A. *Zoroastrizm: suvaro-bolgarskaya i chuvashskaya narodnaya kul'tura* [Zoroastrianism: Suvar-Bulgarian and Chuvash folk culture]. Cheboksary, Institute of Human Sciences Publ., 2009, 256 p.
18. Fakhrutdinov R. *Melodiya kamnei* [A melody of stones]. Kazan, Tatar Publishing House, 1986, 224 p.
19. Fedotov M.R. *Etimologicheskii slovar' chuvashskogo yazyka: v 2 t.* [Etymological dictionary of the Chuvash language. 2 vols.]. Cheboksary, Institute of Human Sciences Publ., 1996, vol. I, 470 p.; vol. II, 509 p.
20. Shpilevskii S.M. *Drevnie goroda i drugie bulgarsko-tatarskie pamyatniki v Kazanskoi gubernii* [Ancient cities and other Bulgar-Tatar monuments in the Kazan province]. Kazan, Kazan University Publ., 1877, 585 p.

RODIONOV VITALIY – Doctor of Philological Sciences, Professor of Chuvash Philology and Culture Department, Chuvash State University, Russia, Cheboksary (vitrod1@yandex.ru).

Ссылка на статью: Родионов В.Г. Хронологическая стратификация названий духов предков и святых в чувашской народной религии // Вестник Чувашского университета. – 2017. – № 4. – С. 311–321.